

Олег Северюхин
Рыбалка на другой планете

Сборник фантастических рассказов

Олег Васильевич Северюхин

Рыбалка на другой планете. Сборник фантастических рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11252402

ISBN 9785447414733

Аннотация

В сборник вошли рассказы «Длинная дорога вперед», «Подземный переход», «Помогите мне, люди!!!», «Похороны были пышными», «Падам-падам», «Колесо жизни», «Ворота», «Страшная тайна», «Поздней ночью дерни три раза хрен», «Про кита», «Рыбалка на другой планете», «Приключение с Золотой Рыбкой», «Голосуйте за меня, люди!!!», «Враг всего человечества», «В каждом мире свои очки для обмана людей», «Подарок от неведомого волшебника», «Посадил дед репу», «За здоровье генсека». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Длинная дорога вперед	5
Подземный переход	8
Помогите мне, люди!!!	12
Похороны были пышными	15
Падам-падам-падам	18
Колесо жизни	23
Крепостные ворота	32
Страшная тайна	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рыбалка на другой планете Сборник фантастических рассказов

Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

ISBN 978-5-4474-1473-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Длинная дорога вперед

Дорога появилась внезапно. Ровная, с идеальным деревянным покрытием темно-синего цвета, уходящая за горизонт. Он слышал, что иногда неизвестно кем строятся такие дороги, уводящие в неведомые миры. Никто не говорил, что находится в этих мирах, потому что никто не мог дойти до них. Но он не такой. Его имя Ант. Он – исследователь. Умный. Молодой. Сильный. Настойчивый. И он будет первым, кто осилит эту дорогу, узнает, что кроется за линией горизонта и принесет Истину сородичам.

Ант шел и мечтал о том, что красавица Мот обязательно дождется его и будет гордиться им, а на свадьбу они пригласят все селение. Ант представил, как происходит подготовка к свадьбе. Как весело горят костры на площади и на огромных вертелах жарится пропитанное специями мясо. Как на площадь собирается нарядно одетый народ в предвкушении бесплатного угощения и веселья по поводу создания новой семьи.

Немного устав, Ант сел прямо на дорогу, ощущая исходящее от нее тепло. Судя по всему, дорогой давно не пользовались. Никаких следов техники. Приложив ухо к дорожному полотну, Ант не услышал вибраций. По дороге ничего не двигалось.

Отдохнув, Ант бодро встал и двинулся вперед. Прошел

один день пути. Прошел второй день пути, а дорога не кончалась, и линия горизонта никак не становилась ближе. Ант никак не мог достигнуть пика, перевала этой большой горы, чтобы можно было начать движение вниз, обозревая раскинувшуюся перед ним равнину.

За два дня пути Ант прошел не мене сорока километров. Таких высоких гор на земле нет. Самая высокая гора Джомолунгма высотой никак не более десяти километров. И на ее вершине всегда снег, холодно и трудно дышать. А здесь хорошая дорога и невозможно достичь вершины. Что же может ждать его там, за линией горизонта? Ант сел в раздумье: продолжать или не продолжать путь дальше. А вдруг он нашел тайную дорогу, которая ведет к жилищу Бога, и он незваным явится к нему в гости. Не рассердится ли Бог на него? Не нашлет ли он кару на соплеменников Анта? Разве можно тревожить покой Бога?

Вторые сутки горилла наблюдала, как подцепленный ею на палочку муравей бежит по освобожденной от мха темной дорожке дерева. Как бы муравей ни стремился вперед, горилла аккуратно поворачивала палочку так, чтобы муравью все время приходилось идти вверх. Иногда муравей останавливался и отдыхал. На ночь ложился спать. А сегодня муравей остановился, и по его поведению можно было понять, что он раздумывает, идти ему дальше или вернуться назад.

– Неужели и муравей такое же разумное существо, как и я? – подумала горилла, ставя себя перед непростым вы-

бором: либо опустить муравья на землю в том месте, откуда она его подняла, либо снова до бесконечности крутить палочку, создавая муравью иллюзию близкого горизонта. А, может быть, взять и побежать впереди муравья, чтобы первой прибежать туда, куда он так стремился?

Подземный переход

Подземный переход на площади Маяковского строился на удивление всем быстро. Проектно-сметную документацию утвердили, и строители принялись за строительство. За три выходных дня был проложен тоннель под проезжей частью улиц Красный Путь и Интернациональная. Нигде не прорвались подземные воды, не нарушилась канализация, нигде не перебит силовой кабель, не просела проезжая часть дороги. Грунт был мягкий, транспортерами выносились на поверхность и самосвалами увозился в район тепличного хозяйства, потому что агрономы определили высокую концентрацию питательных веществ в земле, словно это был толстый слой векового гумуса, пригодного для выращивания всего, что только может расти.

Получилось так, что никто вроде бы и не заметил, как построили этот переход. Все ходили по нему, как по давно построенному сооружению, которое какое-то время было закрыто и поэтому пешеходам приходилось перебегать улицу перед автомобилями, чтобы попасть на автобусную остановку.

Кто не знает, я поясню, что этот подземный переход находится как раз на путях подхода к зданиям администрации области. По переходу ходили чиновники, студенты рядом расположенного педагогического института и просители

по различным делам, направляющиеся в административные здания.

Как это всегда бывает, новое сооружение скоро было заплевано, стены исписаны черной краской, всюду возле урн валялись окурки и обертки от мороженого. Переход стал одним из подземных переходов города, ничем не выделяясь от переходов, построенных в центре города и на его окраинах.

Странности в переходе заметил участковый уполномоченный милиции Никонов, в участок которого входил этот переход.

– Понимаешь, странный это переход какой-то. Был как все и вдруг стал другим. Зайдешь в него, и на душе становится светлее. Ты посмотри, мусор практически исчез, никто не бросает окурки мимо урны, и никто не заходит с сигаретой в переход! Смотри, сколько стертых надписей на стенах. Еще раз-два помогут стены и никаких следов от надписей не будет видно. Посмотри вот на эту старушку, у нее проблем выше головы, пенсия мизерная, лекарства стоят дорого, все льготы ее уместились в двести рублей, а идет и улыбается. Я эту бабулю несколько раз видел. Выражение лица такое, как будто горе случилось, которое утешить нельзя. А сегодня – как в лотерею выиграла. А на этого чиновника посмотри. У него, как от слесаря, дневную выработку требуют. А у него выработка в мыслях заключается, вот и валтузят его, как сидорову козу и постоянно бездельником обзывают.

А сейчас он идет так, как будто всех послал в пешеходную прогулку с эротическим уклоном, доволен собой и жизнью, чувствует себя человеком государственным и нужным. Выйдет из перехода и опять его придавит груз проблем. Нет, ты присмотришься к этому переходу, что в нем есть такое, что понять невозможно.

Вообще-то Никонов никогда лириком не был, но в наблюдательности ему не откажешь. Для милиционера, как и для пограничника, это очень важное качество. Решил и я понаблюдать за переходом. Встал у одного из выходов во время обеденного перерыва и стал подсчитывать довольные и недовольные лица. В переход заходят люди с лицами равнодушными, хмурыми, редко улыбающимися, разве что молодежь, идущая стайками, хохочет – этим море по колено. Но из перехода выходят люди с удовлетворенными и одухотворенными лицами.

На следующий обеденный перерыв я встал у другого входа-выхода. И тот же результат.

В самом переходе чисто. Нищие, которых развозят по переходам дюжие ребята, не выглядят казанскими сиротами и видно, что это для них такая же работа, как и для всех других. Подрабатывающие музыканты работают от души, похоже не для денег, а для того, чтобы доставить радость от музыки для прохожих. Настроение музыкантов заразило и меня. Я шел и прищелкивал пальцами в такт музыке. Скрипачка играла так, как будто она стояла на сцене в концерт-

ном платье и локоны ее волос ниспадали на скрипку, скрывая от нас переживания композитора и соволнение исполнителя. Я с радостью бросил в открытый футляр скрипки червонец и пошел дальше, провожаемый звуками полонеза. Со мной происходило что-то невообразимое. Я был готов обнять весь мир. Все люди были мои братья. Как старому другу мне улыбнулся и помахал рукой пожилой армянин-сапожник, чей закуток находился в конце перехода. Это для меня он находился в конце перехода, а для людей, идущих мне навстречу, закуток находился в начале перехода.

Я вышел из перехода и на мое улыбающееся лицо стали оглядываться люди, идущие к переходу. По мере удаления от перехода мое настроение стало приходить в обычную норму – радоваться особо нечему, вновь возвратились горбачевские времена интенсификации производства любой ценой и неизвестно для чего.

Гра Эгор был доволен. Он нашел самое лучшее место для вживания в земную цивилизацию. Его никто не видел, и он никому не мешал. Люди, проходящие по его внутренностям, питали его отрицательной энергией и давали информацию о том, что происходит на Земле. Плохо было только то, что чем больше он поглощал отрицательной энергии, тем меньше было людей, рисующих краской на стенах, которая нравилась Гра Эгору больше всего. Надо было выбирать: либо краска на десерт, либо постоянное питание отрицательными эмоциями.

Помогите мне, люди!!!

Тонкий запах чеснока плыл в полуметре надо мной. Запах приятно возбуждал и заставлял воображать, какое же кушанье так приятно пахнет, и кто с таким чавканьем его поедает. Ну, разве так можно? А, вообще-то, можно. Как готовят, так и едят. Вероятно, и эту пищу готовили так же, как ее сейчас едят.

Я помню, как готовила моя мама. Все продукты разложены на столе. Кучками. Сначала чистится картофель. Перед чисткой его тщательно моют, поэтому процесс чистки можно назвать стерильным. Как хирургическая операция. Кухня – это, конечно, не операционная. Чего меня все на медицинские темы сшибает?

Затем тонкой соломкой нарезается капуста. Она режется сочно, с хрустом. Невозможно удержаться, чтобы не взять пучок этой соломки и не отправить в рот. Капуста осветляет и делает прозрачным мясной бульон, как морковь при варке курицы.

Аккуратно разрезаем на восемь частей спелые томаты и кладем их на сковороду. Поливаем растительным, а еще лучше, кукурузным маслом. Мелко нарезаем репчатый лук. Боже, ну разве можно так чавкать и материться?

– Нет, Петь, ты меня не убеждай. У меня уже три дня ни грамма в организме не было. Но этот покойник смотрит

на меня, и я чувствую, как он морщится, когда ты начинаешь громко чавкать. Я понимаю, что этого быть не может. Но пойми, здоровый организм одним тромбом не остановишь. Ты не обратил внимания на его румяную рожу? Отчего это так? Объяснение одно – тромб создал супермалую систему кровообращения и кусок аорты, возбуждаемый какой-то аминокислотой, стал насосом для крови. Прикоснись к его лицу. Прикоснись. Только не останавливай его. Дай ему еще пожить, хотя я бы так жить не хотел. А ты не думаешь, что мы на пороге величайшего открытия – дать человеку вспомогательное сердце, чтобы ослабить нагрузку на основное сердце. Как многомоторный самолет, который может совершить посадку и при одном работающем моторе. Да, Петька, ты прав. Одного покойника для этого мало. Самое главное, что в это никто не поверит. А то хуже, засекретят, и сразу начнут солдат многосердечных выпускать или правителей вечными делать. И нас с тобой от этого дела ототрут. Скажут, прозекторам здесь делать нечего. Ищите судебные ошибки или ошибки своих товарищей, а в большую науку не лезьте. Ваше время прошло, когда терапевты научились и в хирурги пошли. Нет, я так не могу. Он смотрит на меня и прислушивается к каждому моему слову. Пошли, у меня в кабинете спирт есть, а то я вообще с катушек поеду.

Гулко раздались шаги в большом помещении, и хлопнула металлическая дверь. Интересно, а где это я нахожусь, и что за странный сон мне снится. Ладно, соня, поднимайся, пора

зубы чистить и бриться. Но почему я не чувствую своего тела? Где мои руки и ноги? Неужели эти мясники все отрезали? А почему я не чувствовал никакой боли? Наркоз? Но после наркоза такое похмельное состояние, что его ни с чем не перепутаешь, а я-то чист, как стеклышко. Неужели правда все, что говорил этот с небритым голосом? Кто меня слышит? Люди!!!Помогите мне! Я живой! Неужели они сейчас вернутся и добьют меня?

Похороны были пышными

Похороны были пышными. По первому разряду. Оказывается, что я был для кого-то дорог, кто-то выполнил долг вежливости, а большинство пришли из любопытства: мой случай был достаточно нетипичным и в медицинских кругах никак не могли прийти к единому мнению, что же со мной случилось.

А, вообще-то, на своих похоронах достаточно скучно. Выслушивать всякую ересь, которую кто-то вспомнил, и как с преподавательской кафедры смотреть, как присутствующие что-то рассказывают друг другу, коротко улыбаясь и принимая хмурое выражение лица.

Почему они меня хоронят? Ведь я жив. Правда, я не могу двигаться, но я все вижу и слышу.

Все произошло как-то внезапно. Я вышел в поле на пополнение своей коллекции и мне попался великолепный экземпляр бражника «мертвая голова». Я с детства неравнодушен к чешуекрылым насекомым, а бражник этот занесен в Красную книгу еще СССР. Считайте, что я нашел клад, три четверти которого я должен отдать государству. Фигушки. И показывать никому не буду.

Когда я накалывал бражника на иглу и размещал его в стеклянной коробочке, я уколол палец, как молодой отрок Базаров при анатомировании трупа.

С этого дня я как будто начал проваливаться в глубокий сон. Я слышал, как говорили о заражении крови, чувствовал процедуру переливания крови, чертыханья медсестер, ломавших иголки о мою кожу, и отсутствие боли вообще.

Врачи делали рентген и говорили, что внутри моего панциря желеобразная масса, и просили моих родственников отдать меня для научных исследований. Спасибо жене, не отдала. Сказала, что сами похоронят, какой есть.

Наконец закрыли крышку гроба. Стало темно и уютно. Что-то качнуло меня и все успокоилось. Тишина. Покой.

Я не знаю, сколько прошло времени, но я стал чувствовать свое тело. И оно какое-то странное. У меня стало шестнадцать ног. Или шестнадцать рук. В зависимости от того, что мне нужно было ими делать.

Я ощутил, что моего прежнего тела не стало, был веретенообразный кокон, который я разломал и вылез в то, что раньше называлось гробом. Дерево сгнило, а я был жив. Прошло не меньше полугода. Надо выбираться наверх. Так не хочется рыться в грязной земле, но гены требуют свое.

А шестнадцать рук это хорошо. Представьте, если бы пришлось ковырять землю двумя руками.

Когда я вылез на поверхность, весна была в самом разгаре. Мою грудь распирало от желания сделать сильный вздох и развести руки в стороны. И мне это удалось. Я вылез из своей оболочки и полетел в направлении города.

Я летел над проспектами и улицами. Я летел к своему до-

му. Я боялся увидеть свою семью с другим мужчиной, но я зря опасался. Жена так и не вышла замуж.

Я сел на цветок одуванчика перед домом, чтобы немного подкрепиться и вдруг очутился в своем сачке.

Меня поймал мой сын. Я сопротивлялся попаданию формалина в организм, но все было тщетно.

Последнее, что я услышал:

– Мама, посмотри, какого бражника я поймал. Настоящий, олеандровый. Жаль, папа этого не видит.

Падам-падам-падам

Все шло свои чередом. Стоял июль 2005 года. Жарко. Кто-то пил растворитель всего живого под названием «Пепси», а кто-то лениво потягивал «Сибирскую корону» из высокого стакана, плакавшего холодными слезами в тенистой палатке на площади Маяковского. В такое время года «корона» хороша и с орешками, и с сушеными кальмарами, и просто так, для удовольствия.

За столиком слева сидела грустная девушка с маленькой чашечкой кофе. Чувствовалось, что и она получала удовольствие от темного, горячего, жгучего и ароматного напитка.

На меня она не обращала никакого внимания. А собственно, чего ради, я должен был ей броситься в глаза? Хорошо, если я просто не бросился в глаза, то почему я сам не могу броситься ей в глаза? Сказано – сделано.

Я встал и пересел к ней за столик, приложив руку к губам в знак того, чтобы она ничего не говорила – я сам все ей сейчас расскажу.

– Извините меня, – начал я, – но ваша манера пить кофе напоминает манеру Эдит Пиаф пить кофе, и я не мог удержаться, чтобы не подсесть к вам и не поинтересоваться – вы не родственница этой певице?

Иногда это срабатывало, и даже очень неплохо. В данном случае это сработало, но не в мою пользу.

– Допустим, родственница, – спокойно ответила девушка, – ну и что с того?

А, действительно, что с того? Это как про ковбоя, который, чтобы понравиться девушке, покрасил лошадь в зеленый цвет. После такого ответа надо встать, извиниться и шагнуть в ту сторону, откуда пришел, проклиная себя за неуклюжесть и неспособность познакомиться с девушкой.

– Вы знаете, мне всегда нравилась Эдит Пиаф, хотя я не понимал того, о чем она поет, – начал я, – и в детстве я был безумно влюблен в нее. А сейчас увидел Вас, похожую на нее, и мои детские чувства снова проснулись.

Девушка удивленно подняла брови. Видно, что я задел какую-то чувствительную струну. Мне действительно нравилась Эдит Пиаф, а ее песню «Падам, падам» я еще в детстве выучил наизусть. И я спел. Может быть, пиво помогло мне, может быть, что-то еще другое, но я пел по-французски:

Padam...padam...padam...
Il arrive en courant derrière moi
Padam...padam...padam...
Il me fait le coup du souviens-toi
Padam...padam...padam...
C'est un air qui me montre du doigt
Et je traîne après moi comme une drôle d'erreur
Cet air qui sait tout par cœur

Падам... падам... падам

Он приходит бегом за мной
Падам... падам... падам
Он захлёстывает воспоминаниями
Падам... падам... падам
Этот мотив показывает на меня пальцем,
И я тащу за собой как странную ошибку
Этот мотив, который знает всё наизусть.

На глазах девушки навернулись слезы, но она улыбнулась и сказала:

– Я так завидую ей. Ей всегда доставалась самая лучшая любовь, но я предала ее и вместо того, чтобы быть рядом с ней, сижу и распиваю ароматный кофе в далекой Сибири. Не перебивайте меня. Я знаю, что вы мне не верите и я не хочу ничего доказывать. Лучше идите своей дорогой и не мешайте мне перед смертью выпить чашечку кофе.

Я оглянулся вокруг. Не было никаких признаков того, что кто-то ей угрожает. Я схватил чашечку и выплеснул кофе на землю.

– Что вы делаете, – возмутилась она. – Официант принес мне кофе, не потребовав денег сразу, а у меня нет денег, чтобы расплатиться за кофе.

– Хорошо, я закажу вам кофе, но зачем вы хотите покончить счеты с жизнью? – спросил я.

– Вы совершенно ничего не поняли, – сказала незнакомка, – мне придется умереть, но не от кофе. Если хотите все узнать, то поцелуйте меня, – и она призывно подставила мне

губы для поцелуя.

– Боже, да она же сумасшедшая, – подумалось мне. – И чего меня дернуло связаться с придурочной?

– Нет, я не сумасшедшая, – сказала девушка, – я сама не знаю, как оказалась здесь. Русский язык мой родной. Меня зовут Галин. Мои родители сразу после революции эмигрировали во Францию, и я не успела забыть свой язык. Только что закончилась война, но СССР не может быть той страной, где я оказалась. Я не буду ничего рассказывать, вы должны почувствовать это сами и решить, та ли я женщина, которая нужна вам. Целуйте!

– Эх, была не была, семи смертям не бывать, а одной не миновать, помирать, так с музыкой, – подумал я и прикоснулся к губам девушки.

Моторы «Боинга» нутужно ревели. Самолет раскачивало из стороны в сторону. Иногда он падал в такую глубокую воздушную яму, что пассажиров и их вещи поднимало под самый потолок самолета, а потом резко швыряло на пол и заносило в бок.

Галин держалась за мою руку и плакала. Иногда она назвала меня Марсель и просила обнять ее.

– Марсель, я боюсь умирать, обними меня. Эдит никогда не узнает этого и не будет сердиться на нас, Марсель.

Я смотрел в иллюминатор на облака и мне в тумане виделся ринг, где я в тяжелом поединке завоевал звание чемпиона мира. Зачем оно мне нужно? Я подарю любому свой

чемпионский титул, лишь бы остаться жить. Боже, почему жизнь так скоротечна?

Я крепко обнял Галин и стал ждать удара, который поставит все на место. Все будут равными, не будет гениев и не будет простых людей, все будут просто людьми.

Оттолкнув от себя Галин, я бросился к своей спортивной сумке, чтобы достать фотографию Эдит и взглянуть на нее в последний раз.

Рядом со мной разбился стеклянный предмет, и я открыл глаза. Мой бокал лежал на гранитной плитке, а я ничего не мог понять: где я и что со мной.

Подошедший официант любезно осведомился:

– Кофе вашей дамы записать в ваш счет?

Но рядом со мной никого не было. Недопитая чашечка кофе одиноко стояла напротив меня.

Зачем я ее оттолкнул?

Колесо жизни

В 1957 году мне было семь лет, но мне почему-то казалось, что я уже был взрослым и по какому-то недоразумению стал маленьким. Мне приходится играть с мальчишками, которым еще предстоит идти в школу и учиться всему тому, что я уже давно знал.

Два года назад, пролистав отрывной календарь за 1955 год, я отчетливо вспомнил Никиту Сергеевича Хрущева, бывшего первого секретаря московского городского комитета коммунистической партии, Долорес Ибаррури, неггибаемую Пасионарию, председателя коммунистической партии Испании и многих других деятелей коммунистической партии и советского правительства, с кровью вошедших в историю России. Взрослые только ахали, когда я безошибочно называл фамилии и имена тех, кого мне показывали в календаре, говорили, смотрите какой способный мальчик, гладили меня по голове и мгновенно забывали о том, о чем они только что беседовали со мной. Я помнил не только то, кем были знаменитые люди в 1955 году и до этого, но и знал, что с ними будет потом. Каким-то внутренним чувством я понимал, что говорить об этом взрослым совершенно не обязательно.

Мы бежали по летнему, залитому солнцем тротуару, и катили перед собой обода велосипедных колес без спиц, подталкивая их или палочкой, или крючком, сделанным

из стальной проволоки.

Лязг тонкого металла обода об асфальт был громким, ион создавал ощущение нахождения в прозрачной кабине одноколесной машины, несущейся по тротуару при помощи волшебной силы, готовой поднять тебя ввысь и понести над землей, над твоим городом, над большой рекой и унести так далеко, куда не ступала нога ни одного путешественника.

В какой-то момент лязг колеса слился в одно тонкое гудение и внезапно жара, грохот и слепящее солнце сменились прохладой, тишиной и полной темнотой. Так всегда бывает, когда заходишь с улицы в затененные сени деревенского дома. В сенях глаза быстро привыкают, а темнота, в которую я попал, не исчезала. Вдалеке вспыхивали редкие огни, но они светили в глаза, не освещая того, что находилось вокруг. Я даже не видел себя. Где-то в стороне слышался шум машин, голоса людей, но никого поблизости не было.

Постепенно я начал различать свои руки, одежду, как в кино после начала сеанса. И все происходящее вокруг мною воспринималось как кино, потому что никто совершенно не обращал на меня внимания, даже проходящие машины не сигналили мне, чтобы я ненароком не попал под их колеса.

Я потряс головой и ощупал себя. Вроде бы сам цел, но голова очень тяжелая. В левой стороне груди в области сердца была резкая боль. Трудно поднять левую руку. Я сунул правую руку под гимнастерку и сразу понял, что это штифты

двух орденов Красной Звезды впились в грудь при падении. Откуда я падал? Вдалеке что-то бухало, и звук ударной волной качал меня из стороны в сторону.

Я достал из кармана документы. Читаю. Капитан Репин Иван Алексеевич, должность – командир артиллерийской батареи войсковой части 29803. Так, это же моя батарея ведет бой и мой наблюдательный пункт должен быть где-то рядом. Я пошел в сторону вспышек и громких звуков.

В десяти шагах я увидел группу солдат, что-то собиравших у огромной воронки в земле. Увидев меня, они бросились ко мне с криками:

– Товарищ капитан, товарищ капитан, вы живы!

Какой-то усатый пожилой солдат, часто моргая глазами, сказал:

– Думал я, Иван Алексеевич, что от вас только один обрывок шинели остался.

Я совершенно не помнил, кто я и где нахожусь. По-медицински это называется амнезией. Память отшибло. Но я четко знаю все, что будет потом.

Мне доложили, что танковая атака немцев отбита. Подбито три танка, два бронетранспортера. Стрелковый батальон впереди прочно удерживает позиции. У нас потери пять человек. Управление батареи в полном составе. Погибли от прямого попадания авиабомбы на наблюдательный пункт. Я подписал донесение, и молча лег на разостланную на земле шинель.

Мое молчание с разговаривающими со мной людьми становилось неестественным. Я чувствовал, что могу говорить, но я не знаю, что мне говорить, и как обращаться к людям, которые меня окружают. Я прокашлялся и сказал:

— Вы извините, но я совершенно ничего не помню. По документам я знаю, как меня зовут, и кто я, но я совершенно не знаю, кто вы. Расскажите мне о себе и расскажите, где мы находимся и какой сейчас год.

Мне представились командиры взводов и командир взвода управления. Рассказали, что мы имеем задачу поддерживать второй батальон 105стрелкового полка, готовящегося к штурму Сапун-горы недалеко от города Севастополя. Сейчас июль 1944 года и я в течение полугода командую этой батареей. Командир первого взвода предложил мне отдохнуть, а завтра отправиться в медсанбат, чтобы врачи посмотрели, нет ли каких других последствий контузии.

Солдаты уже углубили воронку, из которой меня выкинуло взрывной волной, накрыли ее плащ-палатками и получилась неплохая землянка, которую на скорую руку можно выстроить на каменистой крымской земле, чтобы укрыться от непогоды.

Старшина батареи, Василий Андреевич, тот усатый, который подал мне обрывок шинели, и вестовой Арсентьев накрыли ужин. Потихоньку подошли командиры взводов, чтобы выпить за мое благополучное спасение.

Наркомовская водка благотворно подействовала на ме-

ня. Я уже не чувствовал скованности, помнил имена окружавших меня людей и постепенно возвращался в ту жизнь, из которой меня пыталась выжить немецкая авиабомба. Все вокруг было прекрасно. И темная крымская ночь, усеянная крупными жемчужинами звезд, и добродушные люди, сидевшие рядом со мной за столом из грубых досок, накрытых плащ-накидкой. Я мечтательно потянулся и сказал:

– Скоро, ребята, война закончится и жизнь будет все равно лучше, потому что не будет войны.

Разговор медленно крутился вокруг сроков окончания войны и того, как мы будем жить. Удобно устроившись на чужой шинели, я сказал:

– Война кончится скоро. Осталось всего десять месяцев. В мае 1945 года будем праздновать победу, а в июне состоится грандиозный парад на Красной площади. Парадом будет командовать Маршал Рокоссовский, а принимать парад будет Маршал Жуков. Жуков будет на белой лошади, а Рокоссовский на серой в яблоках.

Мне все стали дружно возражать, что парад будет принимать Великий Сталин, потому что он отковал и подготовил Победу. Я не стал возражать. Пусть думают, что это фантазии. Потом вспомнят, кто был прав.

Затем речь пошла о том, как мы будем жить после войны. Под руководством Сталина и коммунистической партии мы быстро восстановим то, что разрушили фашисты и будем дальше строить социализм. И я снова не удержался, чтобы

не сказать, что в 1953 году Сталин скоропостижно умрет, а пришедшие ему на смену руководители доведут страну до такой степени, что в 1991 году компартию вообще запретят.

Арестовали меня рано утром. Без шума. Война для меня закончилась. На самолете меня куда-то привезли. Держали в тюрьме, в одиночной камере. Так как охрана и следователи носили васильковые погоны, то это было Лефортово, ведомство МГБ. Допрашивал следователь в звании майора, который кричал, что я немецкий шпион и требовал сказать, где и когда меня завербовала немецкая разведка. Кто мне дал задание убить товарища Сталина. Кто вместе со мной направлен для совершения терактов в отношении руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

Я не мог дать им каких-то вразумительных ответов, потому что я вообще ничего не мог рассказать о себе, даже того, чтобы они смогли заполнить протоколы допроса.

Мне предложили работать на них, чтобы искупить свою вину перед товарищем Сталиным и советским народом. Мое ничегонезнание ставило их в тупик. Приходившие для беседы со мной врачи в белых халатах и офицерских кителях под ними дали однозначный ответ: маниакальная шизофрения, комплекс Кассандры, политически и социально опасен.

Меня поместили в маленькую камеру в которой сидел сравнительно молодой человек, примерно моего возраста, с длинными русыми волосами и неподстриженной светлой

бородкой.

– Я знаю, кто ты, – сказал мне мой новый сосед.

– И я знаю, кто ты, – ответил я ему.

И мы надолго замолчали. Иногда мне казалось, что я различаю мысли, которые его беспокоят. Если он даст бессмертие высшим руководителям государства, то ему создадут такие условия для жизни, в каких не живет ни один человек на земле, какой бы богатый он ни был. Но это не было для него внове. Ему когда-то давно уже предлагали стать владельцем всего мира, но он отказался, потому что для этого нужно было встать на сторону темных сил.

Я чувствовал, что начинаю сходить с ума, хотя до последнего мгновения считал себя нормальным человеком, потерявшим память от контузии и приобретшим способность предсказывать будущее. Неужели госбезопасность арестовала Сына Божьего? Или, прости меня Господи, Сына Сына Божьего, то есть внука Бога. Неужели Сын Божий снова Духом Святым снизошел на Землю и вдохновил женщину земную на рождение Сына или внука Бога? И оставил его на земле для принятия мук, чтобы очиститься и вознестись к Отцу своему чистым душой.

Сын Божий в тюрьме долго не сидел и распят был в возрасте тридцати трех лет. И этому человеку примерно столько же лет. Значит, нисшествие Сына Бога или Святого Духа на землю произошло в 1910 году. И для семени Божьего избрана была Россия, как государство многомученическое

со светлым будущим. А со светлым ли будущим? Евреям до сих пор простить не могут, что якобы они, а не римляне распяли Иисуса Христа. Сейчас же получится, что русские распяли другого Сына Божьего. Хотя и не русские руководят государством, но пятно Богоубийства падет на русский народ. Боже, зачем ты несешь такие страдания и испытания моему многострадальному народу? Неужели не хватит ему тех лишений, которые он преодолевает постоянно на протяжении многих веков?

Вероятно, и мой сосед чувствовал то же, что и я, поэтому он сказал:

– Ты не тот человек, за которого тебя все принимают. Тебя избрал я, чтобы ты в третьем тысячелетии от рождества Отца моего рассказал людям о пришествии на землю сына Его, который разрешит все противоречия, раздирающие землю. Людям нельзя внушить истину. Как творение Божье они сами себя познают Истиной. Они придумывают новых Богов, чтобы посеять вражду на земле и уничтожить других людей, как бесполезную живность. Они развяжут всеобщую войну, будут скрываться за спинами их детей и женщин, не боясь применять страшное оружие, которое может уничтожить то, что создано Богом. Мсть их оружие. Она ослепляет их в борьбе с Богом и его творением, выжигает мысли о том, что и другие люди такие же, как и они, и созданы одним Богом, а не разными.

Ты уйдешь первым. Не бойся, ты не умрешь. Все произой-

дет так, что ты ничего не почувствуешь. Когда ты будешь спускаться по лестнице под конвоем очень красивой женщины, она выстрелит тебе в затылок из Нагана, и на последней ступеньке ты тихо упадешь и погрузишься в темноту, в которой тебе будет тихо и спокойно. Ты встанешь и пойдешь вперед. Вдали ты увидишь огонь. Это свет жизни. Иди к нему и не бойся. Я приду к тебе. Ты меня узнаешь сразу. Я думаю, что ты и твои друзья будете ждать меня, а все те, кто живет рядом с вами, будут знать о моем приходе в Россию.

Темнота внезапно кончилась, и яркий сноп света осветил ватагу мальчишек, несущихся по тротуару с ободами от велосипедных колес без спиц, подталкиваемых палочками или крючками, сделанными из стальной проволоки.

Я оглянулся на мужчину, в которого влетел вместе со своим колесом. Он с улыбкой помахал мне рукой и пошел дальше. А я изо всех сил бежал к тому времени, когда мы с ним снова встретимся и поговорим о тех вопросах, которые не смогли обсудить в полутемной камере Лефортово. Сколько еще пройдет инкарнаций под дребезжащий звон металла, пока мы найдем хотя бы частичку Истины, чтобы избежать топтания на месте, ломая все, что уже было создано.

Крепостные ворота

Случай, который произошел со мной, можно отнести вразряд удивительных, хотя удивляться совершенно нечему: прошлое соседствует снами и проявляется каждый день. Впрочем, расскажу все по порядку.

Город наш начинался как крепость. Сначала были поставлены пять сторожевых башен, которые соединили стенами. Получилась крепость, а по-здешнему – острог. Башни и стены были деревянными, а затем постепенно оборонительные сооружения строились из камня, так как кочевники стали применять более современное оружие, разрушающее деревянные укрепления.

Каждая сторожевая башня была одновременно и воротами, через которые в крепость приезжали жители окрестных деревень и мирные кочевники, считавшие, что мир в любой форме более выгоден для побежденных, чем для победителей.

Затем город разросся, военная опасность исчезла и крепость потихоньку стала умирать. Сначала исчезли стены, а потом рьяные градоначальники стали сносить и ворота. Опомнились только тогда, когда из пяти осталось всего двое ворот, в том числе и те, рядом с которыми находился каземат, где какое-то время сидел Ф. М. Достоевский.

Островки старины в нашем городе всегда являлись объек-

тами рукочесания градоначальников. Но эти ворота отстояли от разрушения даже тогда, когда сносили кафедральные соборы и десятками тысяч арестовывали тех, кто сомневался в верности генеральной линии партии. Создавалось такое ощущение, что партийщиков и чекистов (главная контора их находится рядом с воротами) кто-то крепко напугал, потому что они стороной обходили эти ворота.

Новый градоначальник запретил трогать эти ворота, но приказал так обустроить местность вокруг, чтобы ворота стали бриллиантом в драгоценной оправе. Одновременно начались и раскопки фундамента разрушенной церкви недалеко от этих ворот. Вероятно, это все же хорошо, когда память наша не страдает провалами и может рассказать о нас все так, как оно было на самом деле. Есть, правда, и другой вопрос: а нужна ли нам эта правда?

Все эти отступления хороши для активистов общества охраны памятников старины, к коим я себя никогда не причислял, считая, что история не потерпит того, чтобы ее обряжали в рогожу или представляли немойтой девой, привлекающей женихов с помощью одеколонов и духов, а не просто чистой водой.

Случилось мне не так давно возвращаться домой в очень позднее время через эти ворота. Вообще-то, я каждый день прохожу через них, совершенно не задумываясь о том, почему я это делаю. В этот вечер через ворота было очень трудно пройти, потому, что работы по укладке тротуарной плитки,

формировке газонов, посадке новых пирамидальных тополей еще не были закончены. К проходу мне пришлось подбираться стороной, но это стоило того, потому что с другой стороны начиналась ухоженная территория, по которой нельзя ходить без лирического настроения.

Зайдя под арку ворот, я вдруг почувствовал чистый запах свежее испеченного ржаного хлеба и только что сваренного борща с дымком от печки. Тот, кто питается хот-догами с кетчупом или майонезом, понять этого не сможет, даже если он будет сильно тужиться. Этим нужно жить. Это нужно когда-то попробовать или увидеть, чтобы представить то, что почувствовал я.

Как-то в молодости среди зимы я вдруг почувствовал запах черемухи недалеко от химического завода, рядом с которым проходила трасса междугородного сообщения. И тогда от этого запаха меня отпаивали водкой. Но запах ржаного хлеба не создается никакой химией.

Запах был настолько близким, что я даже оглянулся. Маленькая дверца в стене ворот, которая всегда была закрыта на висячий замок, была чуть приоткрыта. И запах доносился именно из-за этой двери.

Я осторожно приоткрыл ее и заглянул внутрь. По узкому пространству между стенами вверх шли крутые лестницы. Тишина и свежий запах.

Я потихоньку поднялся на уровень выше человеческого роста, постоял на площадке, прислушался и снова пошел

вверх. Мне показалось, что я слышал потрескивание поленьев в печке, но этого быть не могло, потому что в башне-воротях никаких печей не было.

Каменные ступени не скрипели и ничего, кроме естественного страха перед темнотой и неизвестностью, я не испытывал.

Вверху показался черный квадрат открытого люка, иногда подсвечиваемый красными всполохами пламени.

Внезапно меня подхватили сильные руки, кто-то дал мне по физиономии, воткнул в рот тряпку, связал руки сзади и бросил на лавку.

Темнота внезапно рассеялась. Свет свечи на столе освещал довольно просторное помещение с низким потолком, печку в виде камина и трех человек в военной форме, сидевших за столом.

Военные были в достаточно зрелом возрасте, лет за тридцать, одеты в длинные куртки с погонами, брюки с алыми лампасами заправлены в сапоги. Двое рядовых и один сержант. Но форма все-таки казачья.

– Вот, Иван Петрович, словили все-таки вражину, о котором Его благородие предупреждали, – сказал рядовой казак, возрастом постарше всех.

Казак с сержантскими погонами взял со стола лист бумаги и, подслеповато щурясь, начал читать:

– Из колодников Андрей Смирнов, скованный в ножных кандалах, неведомо куда бежал, коего здесь в крепости нигде

сыскать не могли и для сыску его посланы нарочные то что да еще не возвратились, а по справке в комендантской канцелярии оказалось, означенный каторжный колодник Смирнов нынешнего июля 8 числа прислан при рапорте от находящегося у командования в Черлакском форпосте господина секунд-майора Ланского в побеге из Екатеринбургa из тюрьмы с казенной работы и за два долговые воровства с наказанием кнутом. А ноздрей не вынуто и других знаков не положено. Росту же он Смирнов малого, двадцати лет, лицом бел, светлорус, глаза серые. На нем платья один кафтан ветхой смурой. О сыске его и о поимке куда надлежало от здешней канцелярии указами предложено. Ну-кка Иванов, свечку поближе поднеси к этому варнаку, рассмотри его обличье.

Казак помоложе схватил свечку со стола и направился ко мне. Казаки тоже встали и подошли, с удивлением рассматривая мою одежду.

– Никак из благородного сословия будут, господин старший урядник, – тихо сказал молодой казак.

– Пожалуй, так, – сказал Иван Петрович и распорядился, чтобы меня развязали.

Руки мои были развязаны так быстро, что у меня закралось сомнение в том, а был ли я вообще связан, просто так по своей воле руки за спиной держал. Тряпка имела достаточно противный вкус, и я начал искать место, куда бы сплюнуть.

– Да Вы не стесняйтесь, господин хороший, плюйте прямо

на пол, потом уберем, – сказал старший казак. – А позвольте полюбопытствовать, откуда и кем Вы будете, и как в такую позднюю пору здесь оказались?

Что мне им сказать? Если верно то, о чем я думаю, то меня во время рассказа скрутят и как сумасшедшего отправят в дом призрения под опеку какого-нибудь Земляники, если не отдадут под суд за святотатство. Остается одно, брать инициативу в свои руки.

– А вы-то, братцы, что здесь делаете? – спросил я достаточно командным тоном.

– Так что службу несем, Ваше благородие, – ответил казак с сержантскими лычками. – Служба гарнизонная обязывает к охране покоя местных жителей и быть готовым к отражениям набега степняков. Стоит только караулы снять, как о том сразу степь известят, и будет набег на казачьи линии за притеснения, которые мы киргиз-кайсакам учиняем. А тут еще ловкачи нашлись, которые стены крепостные на кирпичи разбирают, чтобы печки в домах и банях строить. А некоторые эти кирпичи и на базар вывозят продавать. Есть спрос, вот они и воруют. На чего есть спрос, так то и воруют, чтобы продать сразу.

Я сидел и думал о том, что, может быть, я на лестнице упал и сейчас лежу внизу и мне все это кажется. Я похлопал себя по карману пиджака, сигареты и зажигалка на месте. Достал сигарету, прикурил от газовой зажигалки, чем достаточно удивил казаков. Предложил им закурить. И они заку-

рили, глядя на меня. Похвалили табачок, скурив «Marlboro» в три затяжки.

– Хороший табачок, аглицкий, – сказал Иван Петрович, – нашему господину есаулу из Лондона ихнего присылали. Небось, дорогой табачок-то. Мы в основном трубки курим. А те, которые по старой вере живут, такте вообще табак не потребляют.

Разговор никак не складывался. Я не знал, что им сказать и казаки не знали, о чем меня спросить. Выручила природная сметка русского человека:

– А не откушаете ли с нами, Ваше благородие, чем Бог послал, – спросил Иван Петрович.

– А не объем ли я вас, братцы, – задал я в свою очередь вопрос.

Взятое от Льва Толстого обращение к солдату «братец», кажется, срабатывало, расставляя по своим местам сословия в том месте, где я оказался. Как тепло звучит слово «братец» и как оно сильно отличается от уголовного «братан».

Я подсел к столу. Мне подвинули глиняную чашку с борщом, подали деревянную ложку без какой-либо хохломской росписи и отдельно положили половинку куска хлеба, отрезанного от большого черного каравая, лежащего на краю стола. Сами казаки перекрестились на образ в красном углу, налили борщ в большую миску и степенно по очереди стали хлебать его, поднося кусочек хлеба к ложке, чтобы не капнуть на стол.

Попробовал борщ и я. Вкус у борща был отменный, такого я, пожалуй, и не ел никогда. Жирный, наваристый и никакого следа химии от приправ. И, вероятно, не только от приправ, но и от нитратов, которые в разном количестве присутствуют во всех продуктах, доходящих до нашего стола.

– А что, Ваш бродь, слышно о замирении в Крыму? Кампания вроде бы закончилась, а раненые и увечные с тех краев продолжают приезжать. Никак война до сих пор продолжается? Вот и англичане с басурманами снюхались против России войну вести. Не так давно Наполеона отбили, и опять на Россию нападают. И кыргызы тоже на нас косо смотрят, – начал разговор Иван Петрович, как командир, который ближе находится к высокому начальству и поэтому был более осведомленным во всех делах.

Его слова меня озадачили еще больше. Получается, что на дворе 1855 год. Сто пятьдесят лет назад. Да этого быть не может. Я выглянул в узенькое окно-бойницу и не увидел ничего, что привык видеть каждый день. Всюду темно и низенькие дома вокруг. Откуда-то издали доносился лай собак. В миллионном городе лая собак не слышно. Кто мне поверит в то, что я буду рассказывать? Как это у Высоцкого: что ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, вовсе века сжигали люди на кострах.

– Пойду я, Иван Петрович, покурю на улице, – сказал я.

– А идите, Ваш бродь. Сейчас летом хорошо очень улице, – ласково сказал казак, – там шагах в десяти есть бу-

дочка такая маленькая с дверцей, так Вы там поосторожней, не ушибитесь.

Я вышел на улицу из маленькой дверки, впустившей меня полчаса назад. Под ногами был красный кирпич, которым была вымощена дорога в воротах. Осторожно выглянув из ворот, увидел то, что видел каждый день. Впереди – вымощенная каменными плитками Тарская улица, позади фонтан и разрытые газоны, около которых были насыпаны груды плодородного грунта.

Я быстро бросился к дверце, из которой только что вышел, но она была заперта и большой висячий замок красноречиво говорил о том, что никого здесь не было.

Усмехнувшись про себя, я пошел домой, ощущая во рту вкус борща с ароматным ржаным хлебом.

Не позавидую я тому, кто поднимет руку на эти ворота. Иван Петрович с казаками церемониться не будут. Не зря они появляются на изломе истории.

Страшная тайна

Случилось это не так давно. Примерно полгода прошло, но то, что со мной случилось, до сих пор отдается по спине изморосью от того, что могло произойти.

Пошел я, как обычно, на охоту, припасу взял всякого, оружие: «Вепрь» да «Белка». Ничего необычного не было. Капканы порасставил, петли натянул, к вечеру на подлете утку подшиб, суп сварил с травами. Суп получился отменный, а мясо ароматное и вкусное с юшечкой могло бы посоперничать самыми изысканными ресторанами Старого и Нового Света.

Отвалившись в сторону от костра после сытного ужина, я закурил трубку, и стал смотреть в огонь, потягивая крепкий табак и рассматривая тонкие сизые струйки дыма. В каждой струйке рисовались картины, которые я видел во время прежних охот, а, если дым выпускаешь клубами, то рисуются лица знакомых людей. Я уже повидал всех своих соседей, даже Лёшку, как вдруг почувствовал кусочек мяса, застрявший между зубами. Я не стоматолог, чтобы зубы по номерам раскладывать, а вот тут, слева внизу, и мешает, однако. Взял я палочку, ножичком её обстругал и стал мясо выковыривать, как в ресторане зубочисткой. А не выковыривается мясо, и зубочистка ломается. Поглядев по сторонам, я увидел косточки от только что съеденной утки. Взял одну, сломал

ее вдоль, и у меня получилась тонкая костяная зубочистка, которой я в считанные секунды удалил мясо. Косточка была такая приятная, что мне даже не хотелось выпускать ее изо рта. Так я и уснул, держа ее в зубах.

Проснулся я рано, очень бодрым, хотел сделать себе завтрак, но есть совершенно не хотелось, не хотелось и курить, поэтому я сразу пошел проверять капканы. Полдня я ходил по местам, где расставлены капканы, взял двух песцов, одного соболя и пару зайцев, не шибко больших, но достаточно упитанных. И все хорошо: и добыча есть, и пропитание есть, но о пище почему-то не думалось. Пришел к себе в заимочку, зверьков разделал, шкурки на рогатины повесил и думаю, надо бы обедом заняться, время-то уже к пяти часам пополудни подходит. Тут время об ужине думать, а не об обеде.

Вышел я на улицу, огонь раздул и стал думать, как мне зайцев приготовить. А кушать-то вообще не хочу. Так хлебнул водички из чайника, приготовил все на завтра, да спать лег.

Утром та же история. Не хочу есть совсем. Легкость в теле необыкновенная, энергии хоть отбавляй. Подхватился и пошел капканы проверять. Добыча-то не в пример вчерашней. Если так пойдет, то вместо трех недель через пару недель можно и домой возвращаться, шкурки выделывать да заготовителям сдавать, товар всякий на деньги полученные покупать.

И так я четыре дня не ел совсем. Худой стал. Поджарый.

Лётаю туда-сюда, как пес молодой. Усталости не знаю, только чувствую я, что стал как бы себя изнутри кушать: ни одной жиринки на теле не нашел, одни мышцы, да и не плохие вообще-то. Думаю, однако, что же это такое происходит? Не первый год я на этом месте охочусь, никогда и ничего такого не было. А если я есть не стану, то в один прекрасный момент просто упаду и больше не встану. Как движок у генератора: бензин кончился, чихнул и замолк. И хоть ты чего делай с ним – не заведется, если бензина не добавишь. А в человека, когда он чихнет и заглохнет, хоть чего наливай, уже никогда не заведется. Хоть в рожу ему плюй, он тебе обратно не плюнет, как в песне поется. Даже водку налитую пить не станет.

Крепко я задумался, отчего все это происходит, а сам во рту из угла в угол языком зубочистку мою гоняю. Я ведь ее так тогда, когда зубы-то почистил, изо рта и не выпускал. Неужто она какая-то волшебная косточка? Спрятал я эту косточку в бумажку и в карман нагрудный на рубашке положил. И что бы вы подумали? Часу не прошло, как жор на меня навалился. Стал я зайца на огне жарить, весь слюной исхожу, где-то подгорело, где-то не прожарилось, все слопал, да еще чаем запил. Лежу у костра и чувствую, как истома по всему телу поползла и как мышцы силой наливаться начали. Живот, однако, бурчал шибко, но никаких последствий не было.

Через день нормальной жизни взял я снова зубочистку

в рот и аппетит сразу пропал. Два дня ничего не ел. Да, думаю, опасная эта штука, надо ее выкинуть, а то так войдет чего в голову, или голова думать перестанет, так и помрешь где-нибудь от смерти голодной.

Вернулся я с охоты раньше, чем обычно. Добыча нормальная, а мужики говорят, что мне, однако, пришлось много побегать за добычей, раз я так сильно похудел. А доктор Васильев, умнейшая голова, врач, все болезни и все науки знает, меня к себе пригласил, чтобы, значит, осмотр мне сделать на предмет каких заболеваний по потере веса. Посмотрел он на меня, взвесил на весах, сели мы за стол, спиртику выпили, ну, я ему все так вкратце и рассказал. У Васильева глаза сразу заблестели. Давай, говорит, сюда эти кости, мы с тобой за полгода мильёнщиками станем, деньги будем не рублями считать, а долларами, и бабы у нас будут из тех, что в Голливуде звездами работают, и жить переедем на Аляску, а по мере акклиматизации к югу подаваться будем. Я ему говорю, а с каких этих самых мы с тобой разбогатеет-то? Приискуют-то я не открывал. А он мне и говорит, что Америка вся обожралась, в три горла жрет, брюхи поотрачивала, бабы на фигурах помешались, а возьмет какая-нибудь из них косточку в рот и без труда неделю питается духом святым, да дружок ей в постели помогает, и за неделю-две толстуха становится, как ихая героиня Барби. Смотрел фильм «Бабетта идет на войну»? Вот такой и будет.

Однако, резонно доктор говорит. От обжорства и медведи

дохнут. Обожрется и спит. Сердце жиром заплывает. Крикни на него погромче, он и окочурится от разрыва сердца.

Поехали мы с Васильевым на заимочку. Неделю там были. Васильев-то все косточки, что в округе нашли, пообсасывал, а той косточки так и не нашли. Так и закончилась эта идея с богатством. А доктор еще месяц наблюдал за мной. Я в норму пришел, даже на брюхе складочка появилась, как у американца.

Конечно, можно было бы мировой переворот произвести в области похудения, но мне сегодня пока не улыбается перспектива стать миллионером, не всех зверей выловил, что в книге судьбы мне определено. Косточку-то я никуда не дел. Так и лежит в бумажке, своего часа дожидается. Но и вы никому об этом не говорите. Хорошо? Это будет наша страшная тайна! Да, и если скажете, то вам никто и не поверит, пока мне, наконец, не захочется стать миллионером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.